

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).084

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. 1914-1916 ГГ. НА ПУТЯХ К РЕВОЛЮЦИИ

В. С. Измозик

Статья анализирует утверждение журналиста А. С. Селиванов, что якобы причинами краха царизма в феврале 1917 г. стала скоординированная деятельность транснациональных финансовых групп и масонских лож, так как в самой России в тылу и на фронте все обстояло благополучно и в начале 1917 года Россия стояла на пороге крупнейшей победы в своей истории. На основе целого ряда источников и исторических работ доказывается, что статья А. С. Селиванова представляет собой грубую фальсификацию истории, а начавшаяся революция была не неизбежным, но закономерным результатом социально-экономических и политических противоречий.

Ключевые слова. А. С. Селиванов, П. Н. Дурново, аграрный вопрос, фабрично-заводской пролетариат, материалы перлюстрации, заградотряды на фронте, братание, продовольственное положение, доклады Охранного отделения.

На протяжении десятилетий, особенно после появления "библии сталинизма" – Краткого курса истории ВКП(б) в 1938 г. – был создан и методично пропагандировался набор легенд о событиях 1917 года. Складывалось впечатление, что Ленину, большевикам все заранее и наперед было ясно, что, эсеры и меньшевики лишь слепые и покорные прихвостни буржуазии, что никакой альтернативы Октябрьской революции не было и быть не могло. Эти мифы рухнули в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Лишь отдельные группы верующих сталинистов продолжают за них цепляться.

Но на этом месте уже многие годы спешат утвердиться новые легенды. На волне интереса к истории поднялась и продолжает свою деятельность мутная волна «вертодоксов», готовых буквально корезить историческую реальность, не считаясь с фактами, не задумываясь над необходимостью доказательности, проверки и осмысления публикуемого материала. Особое внимание уделяется положению накануне 1917 г. и на протяжении его: причинам свержения царизма в феврале 1917 г., последующему развитию событий и, конечно, т.н. «Октябрьской революции» (Октябрьскому перевороту, Октябрьскому вооруженному вос-

станию). Зрителя, читателя, пользователя Интернета журналист А. С. Селиванов убеждает, что «В начале 1917 года Россия стояла на пороге крупнейшей победы в своей истории. Недостатки и проблемы на фронте были преодолены. Весной ожидался тройной парад победы русских войск – в Берлине, Вене и Константинополе. ... Даже в напряженные военные годы у нас свободно продавались все продукты. Несмотря на войну, в России не останавливался рост промышленности и благосостояние граждан. ... В Русской Императорской армии Мировой войны не существовало ни «заградотрядов», ни политруков. ... В то же время, свободно действующая во время войны Государственная Дума стала центром оппозиции правительству Государя – правительству воюющей страны. Во многом, именно такая безграничная свобода и сыграла свою роковую роль в крушении нашей державы. ... в деле разрушения русского государства объединили свои усилия целый ряд государств – как военные противники, так и формальные союзники России по Первой мировой войне. ... Свержение царской власти происходило по целому ряду направлений и уровней, в том числе, координация деятельности происходила на уровне транснацио-

нальных финансовых групп и даже ма-
сонских лож. ... Владимир Федорович
Джунковский¹ носил военные чины. Но в
1913 году был назначен товарищем ми-
нистра внутренних дел и командующим
Отдельным корпусом жандармов. За два
года пребывания в должности Джунков-
скому удалось практически полностью
ликвидировать систему политического
сыска. ... уволил многих жандармских
офицеров – высочайших профессионалов
своего дела. Именно эти сотрудники мог-
ли бы и должны были стать постоянным
объективным источником информации о
ситуации на фронте и в тылу. И постоян-
ным фактором стабилизации и улучше-
ния этой ситуации» [1].

Красивый эмоциональный текст
призван убедить, что причины краха мо-
нархии лежат в заговоре «темных сил» со
стороны враждебного Запада и внутрен-
них изменников, в «безграничной свобо-
де» для их деятельности. Но так ли это
было на самом деле? Попробуем восста-
новить подлинную картину положения в
1915-1916 гг. на основе официальных до-
кументов, материалов антибольшевист-
ского лагеря, воспоминаний людей из
правительственного лагеря, сосредоточив
внимание на экономическом и социаль-
ном положении в стране и доказать, что
господин А. С. Селиванов занимается
фальсификацией истории. Подчеркну,
что господин А. С. Селиванов имеет пол-
ное право не любить либералов, револю-
ционеров всех оттенков, но он не имеет
права перевирать факты.

Конечно, было бы нелепо отрицать
быстрое в целом экономическое развитие
России на рубеже XIX-XX вв. Но оста-
навливаться на этом означает «выковы-

ривать изюминки из булки», т.е. подби-
рать удобные факты, не желая видеть
целостную картину. Рост экономики од-
новременно сопровождался экономиче-
скими кризисами, особенно проявившим
себя в 1903-1907 гг. Во-вторых, выйдя на
четвертое место в мире по общему объему
производства, Россия значительно отста-
вала от наиболее развитых стран: США,
Великобритании, Германии, Франции.
Если же учитывать валовой внутренний
продукт (ВВП) на душу населения, то
Россия уступала большинству стран Ев-
ропы. Относительно грамотности населе-
ния, необходимого условия для промыш-
ленного развития, то и здесь ситуация
была достаточно печальной.

Наконец, главной нарастающей
проблемой стал аграрный вопрос. В
стране, где 75-80 % составляли крестья-
не, образовался колоссальный резервуар
дешевой рабочей силы, которую город и
промышленность не успевали использо-
вать. Это происходило по нескольким
причинам. На протяжении ряда веков
неконтролируемая рождаемость регули-
ровалась очень высокой детской смерт-
ностью. В результате отмены крепостно-
го права, экономического развития в
сельской местности появилась некоторая
сеть медицинской помощи (больницы,
фельдшерские пункты), выросла гигие-
на в повседневной жизни. В результате
при прежнем уровне рождаемости сни-
зилась смертность, в том числе и дет-
ская. Это привело к двухкратному росту
сельского населения за 40 послерефор-
менных лет и к такому же сокращению
количества пахотной земли на крестья-
нскую душу.

Следующим моментом стала низ-
кая урожайность в большинстве губер-
ний. Согласно выводам одного из круп-
нейших специалистов данной проблемы
в начале XXI в. А. В. Островского, «за
1861-1915 гг. общий сбор зерна увели-
чился с 30 пуд. до 50 пуд., т.е. ... при-
мерно на две трети. Это было не только
результатом повышения производи-
тельности земли (следствие потепления

¹ Джунковский Владимир Федорович (1865-21.02.1938, Москва). Адъютант великого князя Сергея Александровича (1891-1905), московский вице-губернатор (1905-1908), московский губернатор (1908-1913), товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов (1913-1915). Отставлен 19.08.1915. В действующей армии: командир бригады, дивизии. Произведен в генерал-лейтенанты. После Октября 1917 г. арестовывался, находился в заключении. Освобожден 28.11.1921. Арестован в конце 1937 г. Расстрелян 21.02.1938.

климата и перехода от переложно-залежной системы земледелия к трёхполью в одних губерниях, от трёхполья к многополью – в других), но и результатом совершенствования урожайной статистики. Однако темпы этого прогресса могли иметь тенденцию к возрастанию лишь до конца XIX в., затем обнаружилось не только относительное, но и абсолютное их замедление. ... Накануне Первой мировой войны самые высокие сборы с десятины давали посеvy ячменя – 53,3 пуд., за ними следовала рожь – 51,4 пуд., затем овёс – 50,7 пуд., и пшеница – 37,4 пуд. Для сравнения: в это время за границей с десятины посева зерновых собирали: Италия – 57,5 пуд., Австрия – 69,3 пуд., Германия – 77,8 пуд., Венгрия – 83,1 пуд., США – 83,2 пуд., Канада – 87,1 пуд., Дания – 110,6 пуд., Голландия – 113,7 пуд., Англия – 123,4 пуд. [2, с.104-106]. На достигнутом уровне зерновое производство могло удовлетворять минимальные продовольственные, но не имело возможности обеспечивать фуражные потребности страны. Главную роль на хлебном рынке играли средние и беднейшие крестьянские хозяйства. Их товарность имела вынужденный характер, а связанное с рынком производство в большинстве губерний являлось убыточным. Это во многом объясняет разорение крестьянства и помещичьего дворянства, трудности в реализации столыпинской аграрной реформы, складывание в деревне взрывоопасной ситуации.

Изучение данных по 50 российским губерниям показывает, что «крестьяне потребляли около 10% необходимого количества сахара и яиц, 25% мяса, 30% молока и молочных продуктов, 40% овощей. Недопотребление этих продуктов компенсировалось более значительным потреблением картофеля – 154% и хлеба – 165%. Из девятнадцати предвоенных лет только двенадцать были урожайными, а семь по существу являлись голодными, так как в эти годы собранный урожай не мог обеспечить продо-

вольственных потребностей населения. В среднем на три урожайных года приходился один неурожайный. Полученные данные вполне подтверждают существующее представление о том, что до революционный хлебный экспорт Европейской России развивался под лозунгом: «Недоедим, но вывезем». Дефицит продовольственного зерна имел своим следствием расширение производства картофеля. Крестьяне не только арендовали землю, но и платили налоги: мирские, земские, казённые [2, с. 164, 175-177]. По-прежнему периодически сельскую местность охватывал голод. Последний, в 1911-1912 гг., охватил 60 губерний России. Наибольший размер недород принял в губерниях и областях Поволжья, Западной Сибири и северного Казахстана. Министр земледелия в 1915-1916 гг., одноклассник В. И. Ульянова (Ленина), А. Н. Наумов вспоминал: «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны» [3, с. 289-292]. Как указывает д.и.н. В. В. Калашников, «В 1902 году было 365 случаев привлечения армии для подавления народных волнений. В следующем году – 322 случая: треть всей пехоты и две трети кавалерии, расположенных в европейской России, были задействованы в ликвидации беспорядков. Это был громкий звонок для власти. И что она сделала? Ничего. А осенью 1905 года в европейской части России уже горело полторы тысячи помещичьих усадеб. За время первой русской революции 1905-1907 годов была сожжена почти каждая десятая усадьба (более 6 тыс. имений). По сути, в стране с 1902 года шла малая локальная крестьянская война. Столыпинская реформа ситуацию лишь усугубила. Волнения затихли только с началом Первой мировой войны. Но это было затишье перед бурей» [4].

Рост крестьянских недоимок и мощная волна крестьянского движения, прокатившаяся по России в 1902-1906 гг., дают основание думать, что к этому

времени рост эксплуатации деревни приблизился к своей критической черте. В 1910 г. один из ближайших сотрудников П. А. Столыпина А. В. Кривошеин писал: «Если все останется в прежнем положении, если по-прежнему значительная доля наличной рабочей силы, не находя себе применения, будет оставаться неиспользованной, то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем» [2, с. 422].

Положение фабрично-заводского пролетариата после революции 1905-1907 гг. хотя экономически несколько улучшилось, но численность слоя т.н. «рабочей аристократии», т.е. квалифицированных рабочих с достаточным доходом для содержания семьи составляла всего 4 %. Но дело было не только в этом. К сожалению, немногие исследователи задумываются над тем, почему в авангарде революционного движения чаще всего выступали металлисты, находившиеся на одном из первых мест по уровню зарплаты. Дело в том, что в ходе крупных забастовок начала XX в., кроме привычных требований об улучшении условий труда, повышения зарплаты появилось новое, требовавшее обращение к рабочим «на вы». Это означало, что эти люди осознавали себя личностями и требовали к себе уважения.

Таким образом, накануне 1914 г. в Российской империи сохранялся мощный потенциал недовольства самых различных социальных слоев. Это понимали наиболее вдумчивые представители правительственного лагеря. В феврале 1914 г. бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново направил записку Государю, умоляя его не вступать в надвигающуюся войну с Германией и предупреждая в противном случае об угрозе социальной революции. П. Н. Дурново писал: «Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вожделения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население,

стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию ... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. ... война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, ... неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества, все будет поставлено в вину правительству. ... социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. ... Законодательные учреждения и лишенные действительно авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [5, с. 196-197].

Как же этот политический анализ проявился в ходе Первой мировой войны? Прежде всего, обратимся к годовому отчету о перлюстрации за 1915 г. и материалам перлюстрации конца 1916-начала 1917 гг. Напомним, что служба перлюстрации (тайное чтение корреспонденции), действовавшая в империи на постоянной основе с середины XVIII в., к 1914 г. имела семь официальных пунктов в крупнейших городах и просматривала до 1 млн. писем в год. Сам отчет за 1915 г. составляет 288 машинописных страниц. [6, л. 1-144 об.]. Его составители во вступлении писали: «Яркую картину напряжения всех сил страны и неизбежных при этом разногласий, споров, нареканий дает материал, собранный Особой частью в 1915 г.» [6, л. 1]. Отчет включал тридцать два раздела: Общие положения, Оценка деятельности правящих сфер, Критика деятельности членов Кабинета; О законодатель-

ных палатах; О майском погроме в Москве; Московские беспорядки и образование прогрессивного блока; Земский и городской союзы и монархические организации; Мобилизация промышленности; Железные дороги в связи с продовольственным вопросом; Эвакуация казенных учреждений, беженцы, жители; Крестьяне; Запрещение продажи водки; О кооперативах; Положение сельского хозяйства; Об инородцах; О Галиции; О евреях; О немцах; Украинский вопрос; О латышах, татарах и других; Кавказ; Революционное движение; Народное просвещение; Министерство финансов; Вопросы международной политики; О печати; Об армии; О предательстве [С.Н.] Мясоедова²; Санитарная часть; О госпиталях; О флоте; Слухи о мире [6, л. 1, 4, 8, 12об., 17, 18 об., 47, 53, 62об., 70 об., 74 об., 76 об., 77 об., 79, 88 об., 90 об., 96, 106 об., 108, 109об., 113, 116, 119, 121, 128, 128 об., 134, 135, 137, 140, 140 об.].

Как во все времена в подобных документах, прежде всего, подчеркивались благожелательные для высших сфер отклики. Например, депутат Думы А. И. Савенко писал 6 января в действующую армию: «В стране царит полное единодушие». Сохранялись, особенно в начале года, надежды на скорую и безусловную победу. Епископ Холмский и Люблинский Анастасий 22 января из Холма в письме известному общественному деятелю графу С. Д. Шереметеву восторженно отзывался о русской армии: «Наш солдат – прямо святой человек. ... и военачальники вполне достойны своих подчиненных». Один из активнейших деятелей Союза русского народа граф А. И. Коновницын 4 января писал симферопольскому помещику К. А. Дуранте в Одессу: «Мы должны исполнить историческую задачу России, и мы, только мы, должны ... быть в Константинополе и поднять православный крест на Св. Софии, взяв в свои руки владение про-

ливами». Сами составители отчета, рассуждая о настроении крестьянской массы, приходили к оптимистическому выводу: «Миллионы русских крестьян безропотно приносили кровавые жертвы на алтарь Отечества. ... Никакие неудачи, никакие лишения не заставляли крестьян падать духом. ... Ничто не колебало ... твердой решимости победить врага во что бы то ни стало и спасти родину». О революционном движении в отчете указывалось, что «охвативший всю страну патриотический подъем совершенно парализовал эту агитацию». [6, л. 1, 129, 121-121 об., 70 об., 113].

Вместе с тем, перлюстраторы не могли скрыть распространенность совсем других мнений. Московский промышленник П. П. Дюшен из Москвы писал председателю Главного военноморского суда С. П. Дюшену в Петроград 30 сентября, что нельзя винить только правительство, ибо «все эти сановники и министры взяты из нашей среды» [6, л. 5об.]. Миф о «немецком засилье» прочно овладел умами не только малограмотной толпы, но и многих сановников, и интеллигентов. Петроградский градоначальник, генерал-майор князь А. Н. Оболенский в письме в Ашхабад от 31 января делился своими мыслями с князем А. Н. Трубецким: «Относительно немцев меры нужны радикальные. Надо отнять всякое имущество: дома, имения, торговые предприятия и капиталы». Одновременно градоначальник признавал, что под флагом казенного патриотизма извлекаются доходы, в частности, издателем газеты «Новое время» А. А. Сувориным. По этому поводу он писал в том же письме: «Ты пишешь, что я напрасно штрафую Суворина, но ведь он ведет шантажную борьбу, требуя денег с разных немцев и вообще лиц с немецкими фамилиями» [6, л. 98]. Антинемецкие настроения (искусственно разжигаемые задолго до Первой мировой войны), а затем и государственные мероприятия, направленные против российских немцев, отрицательно отра-

² С.Н. Мясоедов (1865-20.03.1915, Варшава) – полковник, повешенный во время Первой мировой войны по ложному обвинению в шпионаже.

зились на сельском хозяйстве. «Глупейшие меры эти имели следствием разорение десятков тысяч образцовых хозяйств, — отмечал позже последний государственный секретарь Российской империи С. Е. Крыжановский, — лишили нас в самое трудное время обильного источника продовольствия и снабжения, ударяли по двумстам тысячам лиц немецкого происхождения, состоявшим в рядах армии, и дали первый толчок к массовым беспорядкам и разграблению имущества в Москве и С.-Петербурге» [7, с. 295].

Некоторые из правых осознавали опасность для самой российской монархии этой антинемецкой кампании. Председатель Союза русских людей в Одессе Н. Н. Родзевич писал 2 августа К. Н. Пасхалову: «У нас слишком уж усердно обвиняют всех немцев и даже носителей немецких фамилий, а ведь между ними очень многие верой и правдой служат России. ... Это натравливание на немцев поднимается очень высоко и становится орудием антидинастической пропаганды». Но даже в этой среде росло сознание, что причины нарастающего кризиса значительно глубже. А. Гладкий из действующей армии 14 ноября делился своими впечатлениями с представителем правой группы Государственного совета князем А. А. Ширинским-Шахматовым: «Кругом какая-то оргия взяточничества, казнокрадства и прямого предательства». [6, л. 98, 103, 58 об.].

Одной из важнейших тем были нераспорядительность властей и ухудшение экономической ситуации. На это жаловались не только обыватели, но и ответственные администраторы. Архангельский воинский начальник Г. Д. Дитерихс 3 марта делился с начальником Главного технического управления генерал-лейтенантом бароном Е. Э. Роппом: «Навигация на носу, а у железной дороги нет никаких приготовлений... Опять отдел военных сообщений будет давать заглазные наряды вагонов и будут простои. ... Опять будут делить вагоны по ведомствам и вагоны будут ухо-

дить недогруженными». 14 октября из Петрограда сообщали в Оренбург: «Настала страшная неурядица с подвозом продуктов первой необходимости». Из Борисоглебска В. М. Люце 17 декабря жаловался М. Ф. Люце в Петроград: «Борьба с дороговизной ни к каким результатам не приводит» [6, л. 61, 58, 60]. «В Москве становится очень трудно жить, — отмечал в своем дневнике 18 марта 1915 г. известный правый общественный деятель и религиозный мыслитель Л. А. Тихомиров. — Все страшно дорого, или даже совсем нет. У нас дров нет. Осталось на несколько дней, а на дровяных складах не дают, говорят — нет». [6, с. 296].

Постепенно в письмах росло опасение за будущее страны. К. Н. Пасхалов уже 23 апреля писал Д. А. Хомякову: «Будущее готовит России ряд таких испытаний, которые могут разрешиться весьма бедственно». Известный деятель правого движения, протоиерей И. И. Восторгов 29 мая писал лучшей подруге императрицы А. А. Вырубовой в связи с немецким погромом в Москве: «Вчера тысячные толпы громили и ... грабили немецкие магазины в лучших частях города ... движение народа проглядели и не приняли мер, ... его пулями и нагайками одними не остановить... не следует испытывать терпение народа». 29 декабря в письме из деревни Липовка Самарской губернии в Петроград подчеркивалось: «В деревне живет одна надежда, что вся земля будет разделена крестьянам». Неизвестный автор писал княгине Н. П. Голицыной из Тифлиса 5 сентября: «Прямо ужас берет за будущее при теперешнем положении вещей». А. Готовцев 24 декабря из Ярославля писал А. А. Римскому-Корсакову в Петроград: «... крайнее расстройство железнодорожного движения и все растущая дороговизна вносят озлобление в малоимущие классы и положение становится крайне серьезным». Некий Андреев из Петрограда 25 ноября сообщал А. Е. Тихомирову в Харьков: «По выносимым ре-

золюциям видно, что рабочие относятся к войне отрицательно. До сих пор большевики имели перевес на всех заводах» [6, л. 3а, 17-17 об., 74 об., 116].

Таким образом, в течение 1915 г. пессимистические настроения постепенно нарастали в самых различных частях общественного политического спектра. Правые, либералы и левые, при всем различии своих взглядов и мнений на возможные пути решения проблем, сходились в том, что внутреннее положение становится все более кризисным и грозит России невиданными бедствиями.

Что же в это время происходило в действующей армии? С началом войны во всех воюющих странах с целью информационной борьбы были созданы комиссии по сбору материалов о нарушениях принятых соглашений о правилах ведения боевых действий (защита мирного населения, особый статус раненых и госпиталей, не применение разрывных пуль и т.п.). В России такую Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) возглавил сенатор А. Н. Кривцов. Официальные распоряжения русского командования соответствовали правилам ведения войны. Командующий 8-й армией генерал А. А. Брусилов 7 августа 1914 г. отдал приказ: «Поздравляю славные войска армии с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная Русская земля, населённая, главным образом, Русским же народом, для освобождения которого война ведётся. Русская армия не ведёт войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичина. Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя Русского солдата. С мирным населением каждый из нас

должен обращаться так же, как это было в родной России» [8, с. 260]. Однако наряду с получением сведений о нарушениях со стороны немецких и австро-венгерских войск комиссии пришлось признать достоверность телеграммы, которую начальник штаба Северо-Западного фронта генерал В. А. Орановский 21 ноября 1914 г. направил командующему 10-й армией генералу Ф. В. Сиверсу: «Главкомандующий [Н. В. Рузский] приказал подтвердить к точному исполнению требование Верховного главнокомандующего [Великий князь Николай Николаевич] при наступлении гнать перед собой всех жителей мужского пола рабочего возраста, начиная с 10 лет [9, с. 667].

Теперь **относительно отсутствия «загрядотрядов» и сдачи в плен.** Действительно какого-то общего приказа не существовало. Но в ситуации неустойчивости войск, в обстановке современной войны с использованием новых технических средств командующие армиями действовали так, как им подсказывал разум. 19 декабря 1914 г. командующий 2-й армией генерал от инфантерии В. В. Смирнов издал приказ: «все сдавшиеся в плен, ... будут по окончании войны преданы суду и с ними будет поступлено так, как велит закон. ... О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке, и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена. Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь оружейный, пулеметный и ружейный» [9, с. 179-180]. Приказ генерала А. А. Брусилова 5 июня 1915 г.: «[при наступлении] сзади надо иметь особо надежных людей и пулемёты, чтобы, если понадобится, заставить идти вперёд и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, ещё хуже, сдаться противнику. Все, кто видит, что целая

часть (рота или больше) сдается, должны открывать огонь по сдающимся и совершенно уничтожать их; второе – для малодушных, сдающихся в плен или составляющих строй, не должно быть пощады; по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулемётный, и оружейный огонь, хотя бы даже с прекращением огня по неприятелю; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом» [8, с. 261, 262]. В ситуации непонимания огромной массой солдат смысла и целей войны нарастало такое явление, как «братание»³. Первые случаи отмечались уже в августе 1914 г. на Юго-Западном фронте. Массовые случаи братания наблюдались во время Пасхи 1916 года, когда самовольное прекращение огня и встречи с противником коснулись десятков полков Северного, Западного и Юго-Западного фронтов [10, с. 30-33].

В 1916 г. экономические и социальные проблемы продолжали нарастать, делая политическую ситуацию все более неустойчивой. Почти 3 млн. человек оказались в плену. С первых же недель войны начались перебои на транспорте. Сокращалось промышленное производство. В сельском хозяйстве, лишившемся почти половины трудоспособного населения, сбор хлеба сократился почти на 20 %. В четыре раза – с 8,5 до 33,5 млн. рублей – вырос государственный долг [11, с. 17, 23.]. Нарастала инфляция. К февралю 1917 г. курс рубля на внутреннем рынке упал до 27 коп. Резко снизился уровень жизни широких масс. Потребление рабочих в 1916 г. при росте номинальной зарплаты составляло менее 50 % довоенного уровня [11, с. 11-12.]. Заготовленный хлеб лежал на складах в глубине страны. В 1915 г. командующие военными округами получили право запрещать вывоз продовольствия за пределы этих территорий. В марте – мае 1915

г. был ограничен вывоз зерна из окрестностей Череповца, Белостока, Могилева, Витебска, Смоленска, из губерний Прибалтики и т. д. С начала 1916 г. в ряде городов вводят карточки, устанавливают нормы выдачи муки и круп [11, с. 48]. 30 июня 1916 г. был принят закон о четырех мясопустных днях в неделю, т.е. запрещении продажи мяса в эти дни [12]. Генерал А. А. Брусилов писал о питании армии в конце 1916 г.: «вместо 3 фунтов (1,2 кг) хлеба начали давать 2 фунта (800 грамм) строевым, находившимся в окопах, и 1,5 фунта в тылу; мяса, вместо фунта (400 грамм) в день, давали сначала три четверти, а потом и по 0,5 фунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда клали в котел вместо мяса рыбу, в большинстве случаев селёдку; наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу.... Сомнительным было также состояние конского состава вообще, так как овса и сена доставлялось из тыла чрезвычайно мало, а на месте не было возможности что-либо добывать, так как уже всё было съедено» [8, с. 225, 229].

20 сентября 1916 г. в письме к жене, Александре Федоровне, Николай II писал, что по полученным сведениям «цены все растут, и народ начинает голодать ... Самый проклятый вопрос, с которым я когда-либо сталкивался», – делился российский император. – Я никогда не был купцом и просто ничего не понимаю в этих вопросах» [13, с. 46]. В конце ноября правительство приняло предложение министра земледелия А. А. Риттиха о введении с января 1917 г. принудительной хлебной разверстки. По сути, это был все же продналог. Предусматривалась поставка 506,5 млн. пудов в установленные сроки для армии и оборонной промышленности. О снабжении городов должны были позаботиться местные власти [11, с. 46]. К управлению хозяйством, хоть и в ограниченной форме, были впервые допущены торгово-промышленные круги. Но все эти меры не ликвидировали хозяйственной разрухи.

³ Братание – стихийное прекращение военных действий солдатами противоборствующих армий на короткий период.

Между тем, буржуазная оппозиция, стремившаяся лишь к реформам, казалась Николаю II и его ближайшему окружению самым страшным врагом. Царица убеждала мужа в одном: «России нужен кнут». В письме 14 декабря 1916 г. она требовала от мужа: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом-покруши их всех... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой!» [13, с. 189].

Столь же примитивны и ошибочны суждения А. С. Селиванова о ситуации с политическим сыском в империи в это время и, в частности, о В. Ф. Джунковском. Снят он был со своего поста за доклад о пьяном кутеже, устроенном Г. Распутиным в московском ресторане «Яр» ... 1915 г. Николай II очень болезненно относился к любой негативной информации о «нашем Друге», как именovala Распутина императрица, считая это сугубо семейным делом. Действительно В. Ф. Джунковский запретил наличие секретных сотрудников в армии, но не отменял другие формы политического розыска. В частности, начальник Витебского ГЖУ полковник А. Р. Шульц неоднократно просил разрешить ведение перлюстрации «с соблюдением всесторонней конспирации». 30 мая 1914 г. А. Р. Шульц сообщил в Департамент полиции, что при проезде Джунковского вопрос был решен «в утвердительном смысле». При этом товарищ министра дал указание пользоваться перлюстрацией «при соблюдении полной осторожности и в исключительных случаях» [14, с. 90, 92]. В целом же, губернские жандармские управления (ГЖУ) и охранные отделения располагали сетью осведомителей во всех оппозиционных режиму партиях и общественных кругах. Начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев в своих докладах на рубеже 1916-1917 гг. буквально бил в колокола, предупреждая о надвигающейся катастрофе. При этом он предупреждал 5 февраля 1917 г., что «Продовольственный кризис ... ныне

задел все слои столичного общества без исключения. ... Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, ... гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы, Родичевы и Ко, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. ...продовольственная разруха смешивается в одно целое с политической смутой и грозит России крахом, какого еще не знала русская история...» [15, с. 387]. Хотя директор Департамента полиции (ДП) А. Т. Васильев наложил резолюцию «Во всеподданнейшую записку», т.е. это должен был прочесть император, но это был голос Кассандры, ибо на все предупреждения, а их было немало, Государь реагировал словами, что у него другая информация [16, с. 21-25].

Между тем, общественное мнение уже по сути смирилось с мыслью о неизбежности надвигающейся революции. Показательны 121 выписка из частной корреспонденции, сделанная службой перлюстрации, за период с октября 1916 г. по 23 февраля 1917 г. Тема деятельности верховной власти и ее структур присутствует в 90 письмах из 121 (74,4 % всей переписки). Независимо от политической позиции, ни один из корреспондентов не оценивал положительно деятельность правительства. Священник С. Базилевич (Черниговская губерния) 2 декабря 1916 г. жаловался родственнику: «Цены, как на предметы потребления, так и на рабочие руки поднялись невероятно. ... Куда же ведет страну правительство?». В переписке все чаще звучало недовольство продолжением войны. Из Рыбинска 5 декабря 1916 г. было направлено письмо председателю Думы М. В. Родзянко от имени более двухсот «граждан Рыбинска и Рыбинского уезда» в связи с немецкими предложениями о мире. Здесь, в частности, говорилось: «При теперешнем положении, при теперешней разрухе, продовольственной неурядице, при тепереш-

нем голоде и холоде – мы не в состоянии вести войну. ... Народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир». Генерал-лейтенант И. Г. Эрдели писал 18 ноября 1916 г. о внутренней разрухе и заключал: «ничего удивительного ..., если управляет Гришка Распутин» [17, л. 29, 47, 17]. Некоторые авторы не скрывали разочарования в русском народе. Протоиерей И. И. Восторгов 26 октября 1916 г. жаловался: «Наш народ сверху и донизу стал хулиганом» [17, л. 79]. На 121 перлюстрированную выписку есть только одна, исполненная оптимизма.

Более 20 % выписок содержат предчувствие надвигающегося краха и революции. Это настроение было присуще представителям всего политического спектра. 4 октября 1916 г. И. И. Восторгов писал члену Совета при министре внутренних дел Н. Ч. Заинчковскому: «Под нами зияющая бездна. ... В кровавом зареве закатываются дни наши» [17, л. 151]. Флигель-адъютант Н. В. Поливанов 4 декабря 1916 г. из Тифлиса констатировал: «Дальше идти некуда» [17, л. 40]. Бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков 20 января 1917 г. делился с адресатом: «Был я у Государя и Императрицы. ... очень хочется Им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее вероятной и возможной» [17, л. 94].

Перлюстрированная переписка подтверждает, что на рубеже 1917 г. правительство утратило доверие политически активных слоев населения. Политика полумер делала все более неизбеж-

ным стихийный революционный взрыв, поводом к которому могли стать различные конкретные события. 23 февраля 1917 г. депутат Думы, член фракции правых протоиерей И. М. Гвоздев писал отцу в родную Вологду: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего-то ждут. ... это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении Отечества» [17, л. 69]. Именно в эти часы ожидание сменялось тем потрясением, которого ждали и надеялись избежать.

Таким образом, вся сумма имеющихся фактов убедительно доказывает, что события 1917 г. – как бы их ни называть: революцией, бунтом, переворотом и т.п. – были **не неизбежным, но закономерным** результатом накопившихся объективных проблем и неспособности или нежелания власти, прежде всего Николая II, прислушаться к предупреждениям, звучавшим из самых разных кругов, в том числе от союзников, Великобритании и Франции. Ибо союзники, во всяком случае в тот момент более всего были озабочены удержанием России в войне и никакие политические потрясения здесь им были абсолютно не нужны. Тот же К. И. Глобачев писал впоследствии: «Русская Февральская революция была созданием русских рук» [15, с. 135]. Такая реальная действительность, конечно, не столь красива, как «сказки» господина А. С. Селиванова, но именно она необходима для понимания прошлого и извлечения из нее уроков на будущее.

Список источников и литературы

1. Селиванов А. Русская катастрофа 1917-го. Кто ее приближал, и кто против нее боролся? [Электронный ресурс] // Cont.ws. – 25.04.2021. – URL: <https://cont.ws/@selivanov1654/1975275> (дата обращения: 19.05.2026).
2. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2016. – 431 с.
3. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917. – Т. I. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1954. – 377 с.
4. Февральская революция. Точка невозврата // Санкт-Петербургские ведомости. – 05.03.2017.
5. Дурново П. Н. Записка Дурново со вступительной статьей М. Павловича // Красная новь. – 1922. – № 6. – С. 178-199.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042.
7. Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки / С. А. Козлов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 967 с.
8. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М. : Воениздат, 1946. 264 с.
9. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). / Мих. Лемке. – Пб., 1920. – XVIII, 859 с. : ил.
10. Астахов А. Б. Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2019. – № 28. – С. 29-41.
11. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. – Л. : Наука, 1985. – 386 с.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – 1916. – Отдел первый, № 193. – Ст. 1621.
13. Переписка Николая и Александры Романовых. – Т. V. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 304 с.
14. Измозик В. С. «Черные кабинеты» : история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 425 с.
15. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М. : РОССПЭН, 2009. – 519 с.
16. Коваленко Н. А. Николай II накануне февральских событий 1917 г. // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. – 2006. – № 101.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 1983.

Измозик Владлен Семенович – д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), izmozik@mail.ru

RUSSIAN EMPIRE. 1914–1916. ON THE ROAD TO REVOLUTION

V. S. Izmozik

The article analyzes the claim by journalist A.S. Selivanov that the causes of the collapse of tsarism in February 1917 were the coordinated activities of transnational financial groups and Masonic lodges, given that in Russia itself, both at the rear and at the front, everything was prosperous, and at the beginning of 1917 Russia stood on the threshold of the greatest victory in its history. Based on a number of sources and historical works, it is demonstrated that A.S. Selivanov's article constitutes a crude falsification of history, and that the ensuing revolution was not inevitable but rather a natural result of socio-economic and political contradictions.

Keywords: A.S. Selivanov, P.N. Durnovo, agrarian question, factory proletariat, intercepted correspondence materials, blocking detachments at the front, fraternization, food situation, reports of the Okhrana Department.

References

1. Selivanov A. Russkaya katastrofa 1917-go. Kto ee priblizhal, i kto protiv nee borolsya? [The Russian Catastrophe of 1917. Who Approached It and Who Fought Against It?] [Electronic resource] // Cont.ws. – 25.04.2021. – URL: <https://cont.ws/@selivanov1654/1975275> (last request: 19.05.2026). (In Russ.)
2. Ostrovskij A. V. Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konec XIX – nachalo XX v. [The Russian Village at the Historical Crossroads. Late 19th – Early 20th Century]. – Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdanij KMK, 2016. – 431 p. (In Russ.)
3. Naumov A. N. Iz ucelevshikh vospominanij, 1868-1917 [From the Surviving Memoirs, 1868-1917]. – Vol. I. – New York: Izd-vo imeni Chekhova, 1954. – 377 p. (In Russ.)
4. Fevral'skaya revolyuciya. Tochka nevozvrata [The February Revolution. The Point of No Return] // Sankt Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Gazette]. – 05.03.2017. (In Russ.)

5. *Durnovo P. N.* Zapiska Durnovo so vstupitel'noj statej M. Pavlovicha [Durnovo's Memorandum with an Introductory Article by M. Pavlovich] // *Krasnaya nov'* [Red Virgin Soil]. – 1922. – No. 6. – pp. 178-199. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 102. Op. 265. D. 1042. (In Russ.)
7. *Kozlov S. A.* Rossijskie uchenye-agrarniki XIX – nachala XX v.: Istoriko-biograficheskie ocherki [Russian Agricultural Scientists of the 19th – Early 20th Century: Historical and Biographical Essays]. – Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2018. – 967 p. (In Russ.)
8. *Brusilov A. A.* Moi vospominaniya [My Memoirs]. – Moscow: Voenizdat, 1946. – 264 p. (In Russ.)
9. *Lemke M. K.* 250 dnej v carskoj stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916 gg.) [250 Days at the Tsar's Headquarters (September 25, 1915 – July 2, 1916)] / Mih. Lemke. – Petrograd, 1920. – XVIII, 859 p.: ill. (In Russ.)
10. *Astashov A. B.* Brataniya na russkom fronte Pervoj mirovoj vojny [Fraternalization on the Russian Front of the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. – 2019. – No. 28. – pp. 29-41. (In Russ.)
11. *Kitanina T. M.* Vojna, khleb, revolyuciya [War, Bread, Revolution]. – Leningrad: Nauka, 1985. – 386 p. (In Russ.)
12. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of Laws and Government Orders Published by the Governing Senate]. – 1916. – Otdel pervyj, No. 193. – St. 1621. (In Russ.)
13. *Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh* [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov]. – Vol. V. – Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. – 304 p. (In Russ.)
14. *Izmozik V. S.* «Chernye kabinety»: istoriya rossijskoi perlyustracii. XVIII – nachalo XX veka ["Black Chambers": A History of Russian Mail Censorship. 18th – Early 20th Century]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 425 p. (In Russ.)
15. *Globachev K. I.* Pravda o russkoj revolyucii. Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya [The Truth about the Russian Revolution. Memoirs of the Former Head of the Petrograd Okhrana Department]. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – 519 p. (In Russ.)
16. *Kovalenko N. A.* Nikolaj II nakanune fevral'skikh sobytij 1917 g. [Nicholas II on the Eve of the February Events of 1917] // *Nauchnyj vestnik MGTU GA. Seriya: Istoriya, filosofiya, sociologiya* [Scientific Bulletin of MSTUCA. Series: History, Philosophy, Sociology]. – 2006. – No. 101. (In Russ.)
17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. – F. 1282. – Op. 2. – D. 1983. (In Russ.)

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), izmozik@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026; принята к публикации: 23.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Измозик В. С. Российская империя. 1914-1916 гг. На путях к революции // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 8-19.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. Rossijskaya imperiya. 1914-1916 gg. Na putyah k revolyucii [Russian Empire. 1914–1916. On the road to revolution] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 8-19.